

Г. ХОФСТЕДЕ, Р.Р. МАККРЭЙ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ОБСУЖДЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЫ: СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И КУЛЬТУРНЫХ ОСЕЙ

Тема «личность и культура» была в центре внимания антропологии и психологии в первой половине XX в. Изучение этой темы было сосредоточено на традиционных, бесписьменных обществах и заимствовании многих понятий из психоанализа. В этой статье мы отмечаем, что независимые друг от друга разработки классификаций личностных черт и культурных ценностей с 1980 г. создали новые возможности для изучения этой темы. С одной стороны, пятифакторная модель личности — универсальная валидная типология (личностных) черт. С другой стороны, исследование компанией IBM культурных осей (проведенное Хофстеде) представляет собой хорошо валидизированную операционализацию культурных различий, проявляющихся в доминирующих системах ценностей. При вторичном анализе недавно опубликованных данных по 33 странам средние значения по шкалам личностных черт значимо и существенно коррелировали с баллами культурных осей. Мы обсуждаем возможные объяснения этих связей с помощью среды и темперамента и предлагаем направления для дальнейшего изучения, включая проведение повторных, экспериментально-симуляционных, аккультурационных исследований, а также изучение того влияния, которое оказывает на жизнь людей взаимодействие (личностных) черт и культуры.

Ключевые слова: культура и личность, личностные черты, пятифакторная модель, IBM-оси, системы ценностей, кросснациональные сравнения.

Идея о том, что всякий народ или какая-то его часть — своя или чужая — обладает коллективными ментальными характеристиками,

Герт Хофстеде (Geert Hofstede) — почетный профессор организационной антропологии и международного менеджмента Маастрихтского университета, Нидерланды; соучредитель и сотрудник Института исследования межкультурного сотрудничества (IRIC), сотрудник Центра экономических исследований Университета Тибурга. **Адрес:** Den Bruij 15, 6881-AN Velp, the Netherlands.

Электронная почта: hofstede@bart.nl.

Роберт Р. МакКрэй (Robert R. McCrae) — психолог-исследователь Национального института старения (входящего в сеть Национальных институтов здоровья), Балтимор, США; специалист по кросскультурным исследованиям; соавтор переработанного личностного опросника NEO. **Электронная почта:** jeffm@ipc.grc.nia.nih.gov.

Перевод с англ. яз. выполнен В.В. Солодниковым по: *Hofstede G., McCrae R.R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38. No. 1, February. P. 52–88.*

наверное, так же стара, как и сами народы. Тацит, описывая в 98 году н. э. характер древнегерманских племен, хавков называл благородными, а гариев — «свирепыми от природы». В XIV веке великий мусульманский ученый Ибн Хальдун, которого некоторые считают основателем социологии, подробно рассматривал в своей книге Аль-Мукаддима различия в ментальности кочевников и оседлых народов. Он доказывал, что разум в своем первоначальном состоянии готов усваивать любое влияние — хорошее и плохое: «Как говорил Мухаммед: “Каждый ребенок рождается в естественном состоянии. Это родители превращают его в иудея, христианина или зороастрийца”» [38, р. 246]. Эксперты всегда расходились во мнениях о том, чем обусловлены различия в национальном характере — природой или воспитанием. В этой статье мы представляем обзор истории исследований о взаимосвязи личности и культуры, обсуждаем последние достижения и представляем альтернативные интерпретации новых эмпирических данных о связях между 5-факторной моделью и осями культуры, выделенными Хофстеде [33]. Рассматриваются как средовые, так и генетические основы национального характера.

Историческая связь между личностью и культурой

В XVIII в. такие философы, как Д. Юм в Англии, Ш. Монтескье во Франции, И. Кант в Германии обращались к изучению «национального характера». Народную мудрость о сравнительных характеристиках разных народов систематизировал неизвестный австрийский художник [30, р. 154–155], охарактеризовав в таблице народов (Völkertafel) 10 европейских наций, различаемых по 17 параметрам, таким как одежда, религия, развлечения; наконец, *Natur und Eigenschaft* (натура и качества). Художник своих симпатий и антипатий не скрывал.

В XX в. антропологи сформулировали понятие национального характера. В 1920-е и 1930-е годы начинает обсуждаться тема личности и культуры, а во время и после Второй мировой войны американское правительство обратилось к антропологам за помощью, чтобы лучше понять душу своих врагов, в том числе народов Германии, Японии и Советского Союза. Была предложена следующая антропологическая дефиниция национального характера: «Относительно устойчивые личностные характеристики и модели (patterns), являющиеся модальными среди взрослых членов общества» [43, р. 17]. Культура и личность (или наоборот) стали классическими терминами для психологической антропологии. В своем предисловии к переизданию 1959 г. книги Р. Бенедикт «Модели культуры» [8] М. Мид определяет точку зрения автора на культуру как «явно выраженную индивидуальность».

В одном из учебников по социальной антропологии взаимоотношения личности и культуры определяются следующим образом: «У

детей при рождении нет культуры, следовательно, нет личности, и почти нет социальных отношений. Сам факт рождения можно описать как прерывание биофизической связи и ее замещение, при обычном ходе вещей, каким-то социальным отношением. Затем по мере созревания социальные отношения расширяются; требуется новая культура, в рамках которой реагировать на других людей следует так, чтобы эти отношения стали возможны. Таким образом, овладение этой культурой есть личностный рост. По мере развития личности характерные способы реагировать на предъявляемые стимулы (одни реакции универсальны, другие культурно нормированы, а третьи эксцентричны) получают все большее развитие и одновременно становятся более устойчивыми» [11, р. 20].

Точка зрения, согласно которой личность создается в процессе инкультурации, близка некоторым современным идеям психологической антропологии, утверждающей, что культура конституирует личность [71].

В Германии В. Вундт, отец экспериментальной психологии, с 1911 по 1920 гг. публиковал 19-томную «Психологию народов», в которой предпринял сравнительный анализ стран по языку, мифам, религии, морали, искусству, законодательству, поместив их в психологической контекст [12]. В 1930-е гг. в США психиатр Абрам Кардинер психоаналитически интерпретировал антропологические описания культур, определив для каждой культуры «базовую структуру личности» [45]. Психологи, изучавшие личность, в середине XX столетия были глубоко озабочены влияниями культуры, что привело к появлению таких классических работ, как «Авторитарная личность» Т. Адорно с соавторами [2], «Детство и общество» Э. Эриксона [25], «Достигающее общество» Д. МакКлеланда [58].

Тем не менее, в 1960-е гг. понятие национального характера утратило свою популярность в мейнстриме англоязычной культурной антропологии (обсуждение некоторых причин этого см. в [49]). Несмотря на то, что антропологи обратились к изучению сегментов современных обществ (например [56]), они по-прежнему продолжали использовать методы и подходы, созданные для исследования обществ традиционных и дописьменных. За исключением членов «Общества кросскультурных исследований», большинство антропологов культуры в наши дни по-прежнему упорно отказываются использовать статистический анализ [20], который абсолютно необходим при изучении современных сложных обществ [14, р. 747–748]. Дуйкер и Фрейда по результатам обзора около 1000 публикаций в книге «Национальный характер и национальные стереотипы» отмечали: «Нам неизвестны сравнительные исследования, основанные на репрезентативных общенациональных выборках» [24, р. 21]. Таким образом, национальные характеры оставались упрощенными стереотипами и не

обретали статус эмпирически обоснованных общих компонентов мышления и действий разнообразных представителей определенной нации. Эти стереотипы опровергались наличием явного разнообразия членов сложных обществ.

После 1960-х гг. психологи личности ушли от «высоких теорий» Э. Эриксона и Д. МакКлеланда. За редкими исключениями [52, 78], от темы национального характера тоже отказались. Однако количественный подход получил дальнейшее развитие в кросскультурной психологии. Международная ассоциация кросскультурной психологии, начиная с 1972 г., проводит каждые два года конференции и издает «Журнал кросскультурной психологии». Стимулом для изучения национальных культур была потребность улучшить взаимопонимание в рамках международного сотрудничества. Эта потребность стала удовлетворяться благодаря появлению более систематизированной и частично количественной информации, на недостаточность которой ранее указывали Дуйкер и Фрейда.

В последнее время появились признаки оживления интереса (по крайней мере, среди психологов) к взаимосвязи личности и культуры. Была подготовлена хрестоматия [47], в которой нашли отражение различные подходы, поднимающие целый ряд вопросов в этой области. В настоящей статье мы продемонстрируем, как систематическое количественное исследование и личности, и культуры¹ выявило новые связи между этими понятиями, внося свой вклад в современное состояние антропологии и психологии. Со стороны личности оно обозначило отказ от психоаналитических моделей, которым отдавали предпочтение первые теоретики, изучавшие личность и культуру, в пользу подхода личностных черт. В понимании культуры такое исследование означало отказ от несоизмеримых друг с другом описаний уникального этоса в пользу определения всеобщих осей культуры. Эта новая теоретическая перспектива надежно связана с данными, которые все легче получать в современном цифровом мире.

Личностные оси (dimensions)

Понятие личности используется во многих смыслах, но большинство психологов личности заявляют о своей заинтересованности целостным индивидом и уникальными психологическими особенностями, присущими только ему/ей. Психоанализ, который акцентировал детерминированность поведения бессознательным, а истоки личности

¹ В этой статье мы неформально используем понятие *культуры*. Операционально, в качестве базовой единицы анализа используются современные нации, хотя данные получены не на репрезентативных выборках. Будущие исследования личности и культуры только выиграют от более тщательного описания культур и субкультур.

видел в переживаниях раннего детства, был господствующей научной школой в первой половине XX века. Он оказал огромное влияние на исследования личности и культуры и сам испытал их влияние (см. например [25]). Однако во второй половине XX века критика психоанализа [27] и использование проективных методов для оценки личностных конструктов [50] резко уменьшили его влияние.

Вместо этого в современной психологии личности доминирует подход, в котором оцениваются индивидуальные различия устойчивых диспозиций. Истоки психологии черт можно проследить вплоть до Древней Греции (например [90]). В психологии личности этот подход существовал постоянно, в частности, в работах Г. Олпорта, Р. Кеттела и Г. Айзенка. В 1960–1970 гг. он подвергся критическому анализу и на непродолжительное время вышел из моды. Однако с 1980-х вновь оказался в центре психологических исследований личности.

Решающим событием для его возрождения стала разработка 5-факторной модели [22]. Несмотря на то, что в английском языке имеются тысячи прилагательных, описывающих различные черты личности (например: нервный, увлеченный, незаурядный, доброжелательный, управляемый), было очевидно, что основных групп черт личности, или факторов, гораздо меньше. Конкурирующие модели предлагали три, пять, шестнадцать факторов. Однако Тьюпс и Кристал [95], а позднее и другие исследователи [29, 67], установили превосходство пяти факторов. Одни и те же факторы были выявлены у взрослых и подростков, мужчин и женщин, в самоотчетах и в оценках наблюдателей. Исследование, проведенное Хофстеде с коллегами [35], показало, что способ описания респондентами культуры своих организаций отражал весьма сходные личностные факторы. Несмотря на то, что было разработано множество инструментов для измерения 5-факторной модели, наибольшее распространение получил Переработанный личностный опросник NEO (Revised NEO Personality Inventory — NEO-PI-R) [18].

Названия факторов и их интерпретации у разных исследователей несколько различаются. В версии NEO-PI-R они следующие: N — нейротизм (neuroticism), E — экстраверсия (extraversion), O — открытость опыту (openness to experience), A (agreeableness) — доброжелательность, C (conscientiousness) — добросовестность. Каждый фактор определяется шестью специфическими чертами, или фасетами. Например, добросовестность представлена субшкалами компетентности, порядка, обязательности, стремления к достижению, самодисциплины и рассудительности.

Исследование, проведенное в англоязычных странах с помощью NEO-PI-R [64], обнаружило, что индивидуальные различия по этим факторам остаются стабильными на протяжении жизни большинства

взрослых респондентов; что данные самоотчетов согласуются с данными наблюдения; что эти пять факторов, как и образующие их черты, в значительной степени генетически наследуются. В 1990-е гг. инструментарий стал переводиться на другие языки² по всему миру, что создало возможность для кросскультурных сравнений. В ряде исследований обнаружилось присутствие 5-факторной структуры в самых различных культурах [65], универсальность трендов развития (личности) по средним значениям личностных черт от подросткового возраста до поздней взрослости [63], а также сходство гендерных различий в разных культурах [19].

МакКрэй и Коста [64] проинтерпретировали эти результаты как подтверждение того, что личностные черты являются биологически обусловленными диспозициями, характерными для человека как биологического вида. В своих существенных проявлениях они, по видимому, находятся вне культуры. С этой точки зрения исследование культуры больше не является документированием того, как культура формирует личность. Вместо этого задается вопрос о том, как взаимодействие культуры и личностных черт формирует поведение индивидов и социальных групп [62].

На уровне индивида этот подход предполагает, что установки, ценности, привычки и навыки — полный набор *адаптационных свойств* [63], развиваемых людьми, — вероятно, отражают вклад как индивида, так и культурного контекста. Например, женщины в западном обществе обладают большей свободой выстраивать карьеру вне дома, чем женщина в фундаменталистской исламской стране. Но то, какой именно путь выберет западная женщина, зависит от ее настойчивости и стремления к достижениям.

Тот же довод может быть использован применительно к организации или целой культуре. Общество, состоящее только из экстравертов, способно лучше развивать различные социальные институты, чем состоящее из интровертов. Но таких обществ не существует; во всех известных популяциях наличествует смесь личностных характеристик. Но если есть различия в среднегрупповом уровне личностных черт, то они, в принципе, могут дать начало различным культурным практикам.

² Все переводы были сделаны представителями культуры — билингвами, большинство из которых — психологи. Независимые обратные переводы были проверены авторами теста и редактировались, пока не были признаны удовлетворительными. В большинстве случаев последующий анализ отдельных пунктов опросника по данным пилотажного исследования приводил к дальнейшим корректировкам.

Культурные оси в литературе

Количество определений *культуры* чрезвычайно велико, и здесь нам не хотелось бы обсуждать преимущества одного перед другим. Операциональное определение культуры, по Хофстеде, таково: «Коллективное программирование психики (mind), отличающее одну группу или категорию людей от другой». В этом определении подчеркивается, что культура (1) атрибут не индивида, а группы; (2) непосредственно не наблюдаема, а проявляется в поведении; (3) разделяется некоторыми, а не всеми людьми.

Многие авторы второй половины XX в. рассуждали о природе базовых социальных проблем, которые порождают отличительные культурные оси. основополагающий вклад сделал Джордж П. Мердок [73], создавший в 1940-е гг. «ареальную картотеку человеческих отношений», в которой он систематизировал большое количество данных о традиционных и дописьменных обществах, собранных полевыми антропологами. Это позволило сравнить антропологические данные об этих обществах.

Вне антропологии наибольшее распространение получило ранжирование обществ по степени их экономической и технологической эволюции, модернизации или дифференциации. Одномерное упорядочивание обществ от традиционных к современным хорошо соответствовало «эволюционизму» XIX–XX вв. с характерной для него верой в прогресс [57].

Экономическая эволюция — важное измерение, отражающееся в общественных ценностях. Однако нет оснований полагать, что оно подавляет разнообразие культур по другим аспектам. Примеры многомерных моделей содержатся в работах Аберл с соавторами [1], которые выделили девять «функциональных условий общества»; Парсонса и Шилза [77, р. 77], предложивших пять «модельных (pattern) переменных»; Клакхона и Стродбека [46, р. 12] с их пятью «ценностными ориентациями»; две «космологии» (сеть, структура (grid) и группа) М. Дуглас [23]. Эти много- или двумерные классификации представляют собой индивидуальные попытки осмыслить, упорядочить сложную реальность. Ни в одной из них нет ясности относительно того, к каким уровням анализ применим, а к каким — нет: к обществу, к социальным категориям, группам или индивиду. Ни одна из них не была эмпирически подтверждена исследованием современных обществ.

Первую попытку эмпирически определить оси культуры на уровне общества предпринял психолог Р. Кеттел. Факторно-аналитический подход, который он использовал для разработки личностных тестов, он применил к данным о странах [16]. Кеттел проанализировал данные о более 48 переменных из 40 стран. Эти переменные представляли собой

пестрый набор географических и демографических данных: предполагаемая раса жителей; исторические и политические аспекты; социальные, юридические и религиозные индикаторы; экономические, медицинские и такие «элитарные» измерения, как количество нобелевских лауреатов. На уровне стран он искал оси того, что он назвал «синталностью»³, понятия, аналогичного «личности» для индивида. Факторы Р. Кеттела (он оставил 12) трудно интерпретировать. Было очевидно лишь то, что некоторые факторы отражали лежащее в их основе экономическое развитие. Подход Кеттела был подхвачен другими, но из общих факторов обнаружилось только экономическое развитие, размер страны и политические симпатии к одному из двух правящих блоков тех лет. Для психологии эти выводы были тривиальны, поскольку к ним можно было прийти и без факторного анализа. Другие классификации наций, отражающие психологическую точку зрения, в рамках экокультурного подхода предлагали Георгас и Берри [28].

Прорывом в изучении национальных культур стала книга Ричарда Линна «Личность и национальный характер» [53]. В ней изложены результаты факторного анализа общенациональных медицинских и связанных с ними индикаторов, таких как уровень хронических психозов, средняя калорийность питания, уровни самоубийств и потребления сигарет в 18 развитых странах, в результате чего была выявлена ось «тревожности». Линн и Хэмпсон [54] расширили ее за счет еще двух осей — «нейротизм» и «экстраверсию», позже Линн добавил «психотизм». Эти три [добавленные] оси своими названиями соответствуют трем личностным чертам системы Г. Айзенка [26]. По этим трем шкалам Линн и Мартин опубликовали средние значения по 37 странам [55]. Линн также исследовал новую ось «соревновательности» [53] и сравнил данные мужчин и женщин из 42 стран, собранные в ходе обследований студентов с помощью бумажных опросников.

После выхода книги Хофстеде «Культурные последствия» [32] (которую мы опишем в следующем разделе) широкое применение в изучении осей национальных культур получили «бумажные» обследования на выровненных выборках. Тромпенаарс [94] разработал опросник, основанный на идеях Парсонса–Шилза [77] и Клакхона–Стродбека [46], и запустил его среди персонала своих бизнес-клиентов. Он объявил, что в этих данных обнаружилось теоретически постулированные семь осей, однако последующий анализ многомерного шкалирования этого не подтвердил [88, 90]. Шварц [85] разработал список 56 ценностей, с помощью которого стали опрашиваться выборки студентов и учителей начальной школы в различных странах

³ «Syntality» — проявление системности группы. — *Прим. перев.*

(к 1999 г. их было более 40 [83]). Эти данные он подверг анализу пространств наименьшей размерности (Smallest Space Analysis), как на уровне индивидов, так и на уровне стран. На уровне страны он выявил семь осей: консерватизм (conservatism), позднее названный укорененностью (embeddedness); иерархичность (hierarchy); мастерство (mastery); аффективная автономия (affective autonomy); интеллектуальная автономия (intellectual autonomy), приверженность равенству (egalitarian commitment), позднее названная эгалитаризмом (egalitarianism), и гармоничность (harmony).

Европейская исследовательская программа по изучению ценностей методом опроса общественного мнения, начатая в начале 1980-х гг. группой по изучению европейских систем ценностей, впоследствии переросла во Всемирное исследование ценностей (World Values Survey — WVS). В его рамках в 43 странах уже опрошено более 60 000 респондентов с помощью опросника, насчитывавшего более 360 пунктов, касающихся сфер экологии, экономики, образования, эмоций, семьи, гендера и сексуальности, государственного управления и политики, здоровья, счастья, досуга и друзей, морали, религии, общества и нации, а также работы. Обобщение полученных данных см. в: [41]. В макроанализе Инглхарт [39, p. 81–98] сгруппировал в 47 переменных более ста ключевых вопросов, относящихся ко всем сферам, вычислил их средние значения по странам и подверг их факторному анализу. Два фактора объяснили 51% дисперсии. Их Инглхарт назвал «ключевыми культурными осями» и обозначил оппозициями «благополучие vs. выживание» (30% дисперсии) и «светский рациональный vs. традиционный авторитет» (21%). Он соотнес сдвиг от традиционного к светски-рациональному авторитету с модернизацией, а переход от выживания к благополучию с тем, что в своих работах он называет *постмодернизацией* — с замещением материальных целей экспрессивными (психологическими). Позднее [40] в качестве объясняющего фактора он добавил религию. Возможно, анализ Инглхарта еще не завершен, и, по-видимому, база WVS еще позволит выявить дополнительные оси.

Еще одно применение парадигмы культурных осей, результаты которого в полном объеме нам пока недоступны, — это исследовательский проект «GLOBE», первоначально задуманный Робертом Дж. Хаусом в 1991 г. [37, 44] и посвященный взаимодействию между культурой общества, организационной культурой и лидерством. Хаус создал разветвленную сеть из 150 исследователей, которые опросили 9 000 менеджеров в 500 организациях из 61 страны. Цель проекта — измерить 9 осей, выделенных на основе анализа литературы, включая IBM-исследование Хофстеде, которое мы опишем ниже. Это — гипотетические оси, и полученные результаты должны были показать, в какой степени *эмпирически* выявленные оси соответствуют теоретически постулированным.

IBM-исследование культурных осей

Хофстеде, изучая межстрановые культурные различия, использовал данные об установках сотрудников, собранные в течение 1967–1973 гг. в филиалах мультинациональной корпорации IBM, расположенных в 71 стране — всего около 117 000 опросников. В этих исследованиях ставилась цель увязать базовые ценности работников с их ситуативными установками. IBM в то время представляла собой жестко структурированную организацию по выпуску унифицированной номенклатуры изделий с соответствующей номенклатурой рабочих мест с такой сильной корпоративной культурой, которая предполагает, что выборки работников из разных филиалов имеют лишь одну специфику — национальность. Опросники заполнялись на 20 языках с минимальной локальной адаптацией (например, различались австрийский, швейцарский и собственно германский варианты немецкого). Анализировались средние оценки идентично стратифицированных групп в тех 40 странах, в которых численность персонала признавалась достаточно большой для надежных сравнений. Кроме того, в базе данных содержались результаты двух последовательных замеров (с интервалом 4 года) и в анализ были включены только те вопросы, по которым ранги стран за 4-летний период существенно не менялись; тем самым устранялось влияние кратковременных эффектов.

Последовательное определение четырех осей национальных культур описал Хофстеде [32, 33]. В результате факторного анализа по странам было выявлено три ортогональных фактора; две оси (*дистанция власти* и *индивидуализм*) значимо коррелировали между собой и первоначально образовывали один фактор. Однако связь между ними исчезла при учете переменной национального благосостояния (ВНП в расчете на душу населения). Итак, вот эти четыре оси, основанные на интерпретации оригинальных анкетных вопросов и корреляции с результатами, полученными как в IBM, так и в других исследованиях.

1. Дистанция власти (*Power distance*) — степень, с которой члены организации или института (например, семьи), обладающие меньшей властью, принимают и ожидают неравномерное распределение власти. Эта ось репрезентирует неравенство (большее vs. меньшее), которое определяется снизу, а не сверху. Предполагается, что уровень неравенства поддерживается и лидерами, и их последователями. Власть и неравенство, без сомнения, чрезвычайно фундаментальные факты любого общества, и всякий человек, обладающий опытом международного общения, понимает, что «все общества неравны, но одни менее равны, чем другие». Уровень дистанции власти в обществе воспитывается в семье в той мере, в какой социализация детей направлена на послушание или инициативу.

2. Избегание неопределенности (*Uncertainty avoidance*) соотносится с терпимостью общества к неопределенности. Эта ось отражает то, насколько культура программирует своих членов чувствовать (дис)комфорт в неструктурированных ситуациях, т. е. новых, неожиданных, неизвестных и отличных от обычных. Культуры, избегающие неопределенности, стремятся минимизировать возможность возникновения таких ситуаций строгими законами и правилами, мерами безопасности и защиты, а на философско-религиозном уровне — верой в абсолютную Истину: «Может быть только одна Истина, и мы обладаем ей». Люди в таких культурах более эмоциональны и мотивируются внутренней нервной энергией. В противоположном типе культуры люди более терпимы к мнениям, отличным от тех, к которым они привыкли. Представители таких культур более флегматичны и созерцательны, и окружающие от них не ждут проявления эмоций. Избегание неопределенности связано (и коррелирует) с уровнем тревожности в культуре, или нейротизма, что было показано в ряде исследований [52, 54; 33, p. 188].

3. Индивидуализм vs. коллективизм (*Individualism vs. Collectivism*) обозначает степень интеграции индивидов в группы. В индивидуалистических обществах связи между индивидами слабые: ожидается, что каждый будет заботиться о себе и своем ближайшем семейном окружении. В коллективистских обществах люди от рождения интегрированы в сильные, сплоченные ингруппы, часто в расширенные семьи (с дядями, тетями, дедушками и бабушками), которые защищают их в обмен на безоговорочную лояльность. В этом смысле понятие *коллективизм* не обладает политическим значением: это приверженность группе, а не государству.

4. Мужественность vs. женственность относится к распределению эмоциональных ролей между полами. Это еще одна фундаментальная для любого общества проблема, варианты решения которой имеют весьма широкий диапазон. Исследования IBM выявили, что (1) женские ценности более схожи между собой в разных обществах, чем мужские; (2) мужские ценности варьируют по оси агрессивности и соревновательности, максимально отличаясь от женских ценностей на полюсе скромности и заботы, а на другом полюсе схожи с ними. Агрессивный полюс назван «мужским», а полюс заботы и скромности — «женским». Женщины в фемининных странах обладают ценностями заботы и скромности в той же мере, что и мужчины. В маскулинных странах женщины немного агрессивны и соревновательны, но не так, как мужчины, так что в этих странах проявляется разрыв между ценностями мужчин и женщин.

Теоретическое обоснование этим осям (после того как они были эмпирически выявлены) было найдено в пространной обзорной статье

о национальном характере и модальной личности, написанной американским социологом Алексом Инкельсом и психологом Дэниэлом Левинсоном. Первоначально статья была опубликована в 1954 г., затем в 1969 г. Инкельс ее дополнил [43] и воспроизвел в 1997 г. [42]. Обобщая значительное количество антропологических и социологических исследований, они определяют следующие «стандартные аналитические темы»:

1. отношение к авторитету;
2. Я-концепция, включая индивидуальные представления о мужественности и женственности;
3. первичные дилеммы, или конфликты, и способы их разрешения, включая контроль над агрессией и экспрессией в противовес подавлению аффекта.

«Стандартные аналитические темы» Инкельса и Левинсона [43] удивительно походили на оси, обнаруженные в данных IBM: с первой темой соотносится «дистанция власти», со второй — «индивидуализм» и «мужественность», а с третьей — «избегание неопределенности».

Это соответствие указывало на то, что культурные оси, выделенные в исследовании IBM, не являются произвольным набором факторов, возникших из анализа конкретных данных. Напротив, по-видимому, они отражают базовые культурные оси с точки зрения систем ценностей. В пользу полноты выделенных четырех осей говорит и сравнительный анализ с другими измерениями систем ценностей [33, р. 92–96, 158–159, 220–225, 296–297, 355–358; 89, р. 102–104].

Положение 40 стран относительно друг друга по четырем осям оценивалось (примерно) от 0 до 100 баллов. Впоследствии дополнительные данные еще для 10 стран и 3 регионов были получены в исследовании IBM, также были опубликованы оценки по другим 16 странам и регионам, полученные на основе другой информации [33, р. 500–502]. Баллы по дистанции власти оказались больше в романских, азиатских и африканских странах, а меньше в немецкоговорящих странах. Баллы по избеганию неопределенности больше в романских странах, в Японии и странах, говорящих по-немецки, меньше — в англоязычных странах, Скандинавии и странах китайской культуры. Индивидуализм преобладает в развитых западных странах, тогда как коллективизм — в менее развитых восточных странах; Япония на этой оси занимает промежуточное положение. Мужественность имеет высокие баллы в Японии и некоторых европейских странах (Германия, Австрия, Швейцария) и умеренно высокие баллы в англоязычных странах; низкие баллы — в Скандинавии и Голландии и умеренно низкие баллы — в некоторых романских и азиатских странах (Франция, Испания, Таиланд).

С момента выхода первого издания книги «Культурные последствия» 1980 года множество обследований в других странах было

проведено по опроснику IBM (по его частям или более поздним улучшенным версиям). Четыре самых крупных повторных исследования (с охватом более 14 стран мира) описал Хофстеде [33], а затем появились еще два [72, 97]. Корреляции между оценками стран, рассчитанные по более поздним данным, со временем не стали слабее по сравнению с первоначальными данными IBM. Это еще раз подтверждает, что оценки по осям IBM фиксируют устойчивые аспекты различий между национальными культурами.

Большая часть книги Хофстеде 1980 г. была посвящена валидации выделенных осей с помощью концептуально близких данных по странам. Например, дистанция власти коррелировала с использованием насилия во внутренней политике и экономическим расслоением. Избегание неопределенности оказалось связано с католицизмом и законодательно утвержденной обязанностью граждан развитых стран носить при себе удостоверения личности. Индивидуализм коррелировал с национальным благосостоянием (ВНП на душу населения) и межпоколенной социальной мобильностью. Мужественность отрицательно коррелировала с долей ВНП, которую правительства богатых стран тратили на помощь для развития стран третьего мира. Во втором издании «Культурных последствий» число доказательств валидности резко выросло [33, р. 503–520], включая ссылки на исследование ценностей Шварца, на данные по многим вопросам WVS и данные о потребительском поведении в маркетинге [21]. И вновь сравнение самых разных данных показывало, что корреляционные связи со временем не ослабевают. Страновые показатели по осям IBM (по крайней мере, их положение относительно друг друга) кажутся столь же валидными в 1990-е гг., как и в 1970-е.

В 1980-е гг. к четырем осям была добавлена пятая ось «долгосрочная vs. краткосрочная ориентация». Эта ось была выделена по данным опроса студентов, проведенного в 23 странах по опроснику китайских исследователей [35]. Ценности долгосрочной ориентации — бережливость (thrift) и упорство (perseverance); с краткосрочной ориентацией связаны уважение традиции, выполнение социальных обязательств и сохранение «своего лица». Данные по пятой оси в настоящее время доступны лишь по некоторым странам, в которых обнаружили первые четыре оси. В настоящей статье это роли не играет.

Соотнесение осей культуры с личностными факторами

Исследуя личность, мы сравниваем индивидов, исследуя культуру, мы сравниваем общества, даже если наши данные отчасти получены от индивидов, принадлежащих этим обществам. Индивиды в обществах — что деревья в лесу; при сравнении лесов мы не сравниваем «явно выраженные индивидуальности» деревьев, перефразируя процитированные ранее слова М. Мид, адресованные Р. Бенедикт.

Сравнение лесов предполагает изучение иных элементов: не только конфигурации отдельных деревьев, но и всего биотопа⁴. Смещение уровней анализа, когда сравнивают индивидов, основываясь на данных об обществе, известно как «экологическое заблуждение» [81, р. 352; 93], но не менее распространено и обратное заблуждение, когда общества сравнивают по показателям, разработанным для индивидуального уровня [33, р. 16]. Культуры — это не большие индивиды. Культуры целостны, и их внутреннюю логику нельзя понять в терминах развития личности индивидов. Экологика отличается от индивидуальной логики.

Сопоставляя исследования индивида, организационной и национальной культуры, Хофстеде [34] использует метафору цветов, букетов и садов. Представители контекстуального подхода в социальной психологии [79] тоже указывают на экологические и композиционные заблуждения, исходящие из допущений о том, что характеристики группы непременно должны отражать характеристики ее членов. Характер группы не надо связывать с собирательной личностью, поскольку на групповом и индивидуальных уровнях протекают различные процессы. Это еще более справедливо для общностей высоких уровней.

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой: есть полезный набор личностных черт [22] и полезный набор осей культуры [33], но они работают на разных уровнях. Как можно соотнести их друг с другом?

Одна возможность — попытаться измерить культурные оси на уровне индивида. Для этого чаще всего измеряют индивидуализм–коллективизм, и получают слабо согласованные между собой результаты [76]. Альтернатива состоит в том, чтобы измерять личностные черты на уровне культуры. Этого можно достичь оценками свойств национального характера [78], отражающими согласованное восприятие личностных черт типичного члена культуры, или экспертным описанием самой культуры в терминах личности, как это сделала Р. Бенедикт, определив культуру Зуньи как аполлонийскую. Здесь операционализируется средний уровень индивидуальных черт данной культуры. Нацию можно характеризовать не только ежегодным уровнем осадков или запасами нефти, но и распределением личностных черт среди граждан. С этой точки зрения личностные черты составляют часть экологии, к которой адаптируется культура. Однако уровень осадков замерить проще, чем оценить личность, да и осмысление средних баллов личностных черт зависит от жизнеспособности целого ряда допущений, разумность которых попытался показать МакКрэй [60, 61].

⁴ Ареал, населенный определенными обитателями. — *Прим. перев.*

Кросскультурная инвариантность факторной структуры опросника NEO-PI-R [65] позволяет использовать его для измерений внутри культуры. Однако для сравнения культур между собой, по мнению методологов, следует доказать скалярную эквивалентность шкал [96] в кросскультурном измерении. Сделать это весьма трудно, особенно когда речь идет о разнообразии языков и культур. В ответ МакКрэй [61] доказал оправданность допущения, что при переводе любые искажения смыслов отдельных формулировок скорее всего усреднятся за счет их большого количества, как в случае с опросником NEO-PI-R, каждый раздел которого состоит из 48 пунктов. В поддержку этого довода он приводит частичное доказательство. Заполнение опросников билингвами на двух языках (на английском наряду с китайским, испанским, шона или корейским) обнаружило слабое различие или даже отсутствие различий между средними оценками двух замеров. Независимые выборки респондентов, заполнявших опросники в одном из двух норвежских переводов, обнаружили сходство личностных профилей. Аналогичные результаты были получены на двух независимых филиппинских выборках, заполнявших английскую и филиппинскую версии опросников.

Для скалярной эквивалентности мало эквивалентного перевода. Наборы закрытий для вопросов могут различаться в разных культурах [86] и приводить к артефактным различиям. Однако формулировки стимульных заданий, составляющих шкалы опросника NEO-PI-R, сбалансированы, поэтому тенденция выражать согласие [респондентов] вряд ли ведет к систематическим смещениям. А подсчет средних баллов снимает проблему [межкультурных] различий в склонности ставить полярные оценки [60]. Могут быть культурные различия в стратегиях самопрезентации респондентов. Однако специальное исследование воспроизвело данные самоотчета с помощью оценок, полученных из наблюдения [69]. Все эти данные позволяют предположить скалярную эквивалентность опросника NEO-PI-R.

Но валидные сравнения должны проводиться еще и на сравнимых выборках. Сильная сторона исследования Хофстеде [33] в том, что выборки сотрудников IBM во всех странах имели сходство по параметрам «образование» и «профессиональный опыт». А вот МакКрэй [61] работал с выборками, предоставленными ему коллегами со всего мира, каждый из которых собирал данные под собственные задачи. Эти выборки отличались по параметрам «возраст», «образование» и по репрезентативности. Чтобы удостовериться в обоснованности переноса баллов личностных шкал на культуру в целом, МакКрэй [61] скоррелировал пары средних значений, стратифицированных по культуре и возрасту, и показал тенденцию к сходству личностных черт мужчин и женщин, принадлежащих к одной культуре. Сходным образом выборки взрослых и респондентов студенческого возраста обнаружили параллельные культурные профили.

Оставался один вопрос: значимы ли конструкты пятифакторной модели на уровне культуры? Сказать, что культура экстравертна, значит утверждать, что ей присущи высокие оценки личностных черт, задаваемых шкалой экстраверсии. Но имеются ли в разных культурах между средними оценками этих черт такие ковариации, границы которых задает фактор экстраверсии? Экологический факторный анализ [33, р. 32] на средних значениях 30 фасет NEO-PI-R на 114 подвыборках, собранных в 36 культурах, воспроизвел 5-факторную модель индивидуального уровня [60] и подтвердил обоснованность кросскультурных сравнений. Более того, иерархический кластерный анализ, построенный на 36 культурах по тем же 30 фасетам, показал явное сходство географически и исторически близких культур [4]. Эти результаты показали поразительное сходство с результатами анализа по четырем IBM-осям [33, р. 64].

Среди 36 выборок МакКрэя [60] 11 были из Азии, 3 — из Африки, 4 — из Америки и 18 — из Европы. Для коррекции половозрастных различий исходные средние баллы по фасетам были нормированы по выборке США [18]. Факторные оценки опросника NEO-PI-R были рассчитаны на основе этих стандартизированных фасет. МакКрэй [60] представил корреляции с культурными шкалами IBM по 35 культурам и субкультурам. Мы повторили его анализ, исключив не только испаноамериканцев, но и чернокожих южноафриканцев, по которым не было адекватных оценок по культурным осям, а также усреднив две индийские подвыборки (говорящие на языках маратхи и телугу). В итоге остались 33 культуры. Различия между результатами двух типов анализа были минимальными.

Все пять личностных факторов статистически значимо связаны, как минимум, с одной культурной осью. И все четыре культурные оси значимо связаны, как минимум, с одним личностным фактором (табл. 1) [...].

Таблица 1

Корреляции между средними значениями факторов NEO-PI-R и культурными осями по 33 странам

IBM-шкалы культурных осей	Факторы NEO-PI-R				
	Е	С	О	N	А
Индивидуализм	0,64***				
Дистанция власти	-0,57**	0,52**	-0,39*		
Мужественность			0,40*	0,57**	-0,36*
Избегание неопределенности				0,58**	-0,55**

Примечание: Е = экстраверсия; С = добросовестность; О = открытость опыту; N = нейротизм; А = доброжелательность.

* $p < 0.05$. ** $p < 0.01$. *** $p < 0.001$.

Наши корреляции обнаруживают четкую конфигурацию взаимосвязей между двумя массивами данных, полученных совершенно разными способами. С одной стороны, это оценки стран по пяти личностным факторам, полученные главным образом в 1990-е гг. на очень разных выборках респондентов, отвечавших на родных языках. С другой стороны — оценки стран по четырем культурным осям, полученные в 1970-е гг. от работников дочерних компаний корпорации IBM, тоже заполнявших опросники на родных языках. Использование родного языка в обоих исследованиях может вызвать подозрения, что корреляции стали следствием влияния языка. Однако результаты IBM были воспроизведены в международных исследованиях, в которых опросники заполнялись на английском языке. И при смене языка культурные модели сохранялись [33, р. 49, 62–65].

Первоначально представленные МакКрэем данные анализа [60, 61] были откровенно поверхностными, как и еще более ранние умозрительные построения П. Смита и М. Бонда [87] о взаимосвязи личностных шкал МакКрэя и культурных осей Хофстеде. И все же они верно предсказали три наиболее сильные взаимосвязи между индивидуализмом и экстраверсией, между избеганием неопределенности и нейротизмом, а также между дистанцией власти и добросовестностью. Ясно, что эти связи имеют концептуальное значение.

Поскольку между двумя массивами данных имеются некоторые связи, с точки зрения статистики имеет смысл применить множественную регрессию, чтобы предсказать зависимость одного от другого. Однако выполнение этой задачи поставит более глубокий и существенный вопрос: какие переменные брать в качестве независимых, а какие — в качестве зависимых? Оси культуры объясняют средние уровни личностных черт, или средние уровни личностных черт — свойства культуры? Конечно, сами по себе корреляции не указывают верный порядок причинно-следственных связей, и авторы статьи расходятся в их интерпретации. Ниже мы приводим аргументы в пользу обоих вариантов, предоставляя читателю возможность выбора одного из них.

Представленный ниже набросок о причинных связях, конечно, не отражает всей картины. Хофстеде не утверждает, что личностные черты полностью детерминируются культурой, а МакКрэй не думает, что культурные ценности — лишь отражение личности. Ценности и, пожалуй, личностные черты испытывают влияние социологических сил, таких как оккупация Восточной Германии Советским Союзом [74]. И человеческие виды, и культурные установления формировались тысячелетиями в условиях необходимости адаптации. И эволюционные психологи стали обращаться к этим отдаленным причинам индивидуальных и культурных различий (например: [15, 70]).

**Интерпретация Хофстеде:
влияние культуры на черты личности**

Корреляции между двумя массивами данных показывают, что оценки личностных факторов по странам не случайны, а соответствуют установленным и объяснимо стабильным особенностям национальных систем ценностей, в которых видится проявление национальных культур. Это означает, что самооценки по 5 личностным факторам, помимо индивидуальных личностных различий, содержат и коллективный компонент, присущий респондентам из одной страны.

Этот общий компонент можно объяснить одной или несколькими из трех перечисленных ниже причин: (1) распределения генетически детерминированных личностных факторов в населении разных стран систематически различаются; (2) дети, выросшие в определенной стране, в процессе своего развития усваивают общие личностные характеристики; (3) национальные культуры влияют на то, как люди заполняют личностные тесты. Всякий респондент оценивает себя, сопоставляя с определенной социальной нормой, с окружающими другими. Кроме того, он описывает себя таким, каким ему хотелось бы, чтобы его видели другие: ответы содержат компонент социальной желательности. То, как воспринимаются другие и что является социально желательным, в разных странах различается.

Тот факт, что в странах с населением, сильно различающимся по своему этническому происхождению (например в США), воспроизводятся стабильные и опознаваемые национальные культурные оси, доказывает, что первое объяснение само по себе недостаточно и что второе и/или третье, по меньшей мере, должны играть определенную роль. Роль третьего объяснения — о влиянии культуры на заполнение тестов — особенно трудно отрицать. Портинга с коллегами [80] даже предположили, что корреляции между личностными и культурными баллами обусловлены эффектами [artifacts] измерения, поскольку обе оценки получаются из самоотчетов, при склонности респондентов выражать согласие и давать социально желательные ответы в условиях различных стандартов сравнения или норм самопрезентации. Все это может обуславливать наблюдаемые различия. П. Смит [86] проанализировал влияние склонности респондентов выражать согласие в шести масштабных кросскультурных исследованиях и пришел к выводу о существенной конвергенции этих систематических смещений во всех исследованиях. Правда, он также показал, что они имеют содержательный культурный смысл и ими нельзя пренебрегать как простым артефактом измерения. Кроме того, всесторонняя валидизация личностных и культурных оценок по объективным критериям, рассмотренная нами выше, делает артефактное объяснение неправдоподобным.

Предположив, что культура объясняет оценки личностных черт (а не наоборот), Хофстеде осуществил пошаговую регрессию средних значений NEO-PI-R по странам с оценками по четырем культурным ИВМ-осям (см. таблицу 2).

Таблица 2

Пошаговая регрессия средних оценок по NEO-PI-R с оценками по четырем культурным осям по 33 странам

Зависимые переменные	Независимые переменные	Множественный коэффициент детерминации
Нейротизм	+ избегание неопределенности	0.31
	+ маскулинность	0.55
Экстраверсия	+ индивидуализм	0.39
	– маскулинность	0.46
Открытость опыту	+ маскулинность	0.13
	– дистанция власти	0.29
	+ избегание неопределенности	0.36
Доброжелательность	– избегание неопределенности	0.28
Добросовестность	+ дистанция власти	0.24

В модели множественной регрессии вновь проявились все 4 культурные оси: избегание неопределенности и маскулинность — по три раза, дистанция власти — два раза, индивидуализм — один. Отметим, что несмотря на сильную взаимную негативную корреляцию дистанции власти и индивидуализма, каждая из них оказалась связана со специфическими личностными факторами. Процент дисперсии страновых оценок по личностным факторам, объясненный культурными осями, варьирует от 55% для нейротизма до 24% для добросовестности и уменьшается в следующем порядке: нейротизм – экстраверсия – открытость опыту – доброжелательность – добросовестность.

Проведенная Хофстеде валидизация культурных осей [33] включала в себя в качестве контрольной переменной национальное благосостояние (ВНП в расчете на душу населения): если благосостояние предсказывало определенный феномен лучше, чем культура, то культурное объяснение считалось избыточным. В дополнительный анализ также включались корреляции ВНП с личностными осями за 1970, 1980 и 1990 гг. Во всех 33 странах в эти три года ВНП значимо коррелировал с экстраверсией, но эти корреляции были слабее, чем с индивидуализмом, и в результате пошаговой регрессии остался только индивидуализм. Благосостояние за все три года также значимо и негативно коррелировало с добросовестностью (респонденты из бедных стран были более добросовестны). Во все три года благосостояние было

лучшим предиктором, чем культура, для оси «дистанция власти»; самая сильная связь была в 1980 году: $r = 0.60$ ($p < .001$).

Из всех шкал опросника NEO-PI-R самую сильную связь с культурными осями показал нейротизм (55% объясненной дисперсии на уровне страны): оценки по нейротизму выше в маскулинных культурах и в культурах избегания неопределенности. Связь нейротизма с избеганием неопределенности объясняет 31% дисперсии. Ранее связь избегания неопределенности (коэффициент ранговой корреляции Спирмена 0,73 при $p < .001$) с фактором нейротизма уже обнаруживали Линн и Хэмпсон [54] на данных медицинской статистики по 18 странам [32, 168–170]. Хофстеде [33, р. 155–157] привел обзор ряда других исследований, в которых обнаружилась сильная положительная связь избегания неопределенности со стрессом, тревожностью и эмоциональной выразительностью. Например, в 25 странах ранг избегания неопределенности коррелировал (0.44 при $p < .05$) со средними баллами по личностному опроснику Айзенка [55]. На данных ESEAR по самооценке эмоциональности (см. [83] и более позднюю информацию в Интернете) были выявлены значимые корреляции по данным еще 14 стран между выражением гнева у мужчин и чувством вины, как у мужчин, так и у женщин.

Высокая маскулинность объясняет еще 24% дисперсии страновых значений нейротизма. Сотрудники IBM выше оценивали стресс от работы в маскулинных культурах, чем в фемининных [32, р. 281]. Линн и Мартин [55] в своих данных по личностному опроснику Айзенка (о которых речь шла в предыдущем параграфе) зафиксировали корреляцию второго порядка между баллами по шкале нейротизма и маскулинности [33, р. 297]. Маскулинность культуры сфокусирована на эго, деньгах, вещах и работе, а фемининность — на отношениях, людях и качестве жизни. Фемининность больше соответствует эмоциональной стабильности (низким показателям по нейротизму). Арринделл с коллегами [6] отмечают, что симптомы депрессии у 5 000 студентов (измеренные по краткой версии опросника депрессии Бека [7]) менее выражены в фемининных, чем в маскулинных европейских странах.

Между личностными факторами и культурными осями обнаружилась только одна сильная корреляция — между экстравертностью и индивидуализмом ($r = 0.64$ при $p < .001$, объясняет 39% дисперсии): оценки экстраверсии были выше в индивидуалистичных культурах. Хофстеде [33, р. 236] на основе корреляционного анализа показал, что высокие баллы по шкале индивидуализма связаны с Я- (а не Мы-) сознанием, и что в индивидуалистической культуре выше ценят независимость, разнообразие и удовольствие, чем экспертное знание, долг и безопасность. Первые ценности предполагают более экстравертированное поведение, вторые — более интровертированное. Ранее [31]

было показано, что американские студенты (индивидуалисты) набирают больше баллов по шкале экстраверсии, чем студенты из Японии и Южной Кореи (в большей степени коллективисты). Несмотря на то, что в таблице 2 дистанция власти коррелирует с экстраверсией, она также связана с индивидуализмом и не вносит никакого самостоятельного вклада в регрессионную модель. Правда, другие 7% дисперсии экстраверсии объясняются фемининностью: респонденты из фемининных культур чуть выше оценивают себя по экстраверсии, чем респонденты из маскулинных культур.

Наиболее сложные связи с культурными осями обнаруживает фактор открытости опыту. Высокие баллы маскулинности и избегания неопределенности и низкие баллы дистанции власти вместе объясняют 36% дисперсии оценок по фактору открытости опыту на уровне стран. Респонденты в маскулинных культурах выше оценивают свою открытость опыту (13% объясненной дисперсии), чем респонденты фемининных культур. Хофстеде [33, р. 304] показал, что студенты из семи стран ОЭСР (1995), принадлежащие к маскулинным культурам, склонны переоценивать свою успеваемость, а принадлежащие к фемининным — недооценивать. Респонденты из стран с низкими баллами дистанции власти более высоко оценивают свою открытость новому опыту (еще 16% объясненной дисперсии), чем респонденты из стран с высокими баллами. Культуры с низкими баллами по дистанции власти сильнее стимулируют независимые (негосударственные) исследования, чем культуры сильной дистанции власти. Как следствие, в первых больше нобелевских лауреатов на душу населения, чем во вторых [33, р. 101].

Наконец, культуры с высокими баллами избегания неопределенности выше оценивают свою открытость опыту (еще 7% объясненной дисперсии). Это выглядит парадоксальным: избегание неопределенности скорее предполагает закрытость, нежели открытость сознания. Но в этом случае открытость опыту в пошаговой регрессии появляется после учета дисперсии, обусловленной дистанцией власти. Сочетание низкой дистанции власти с высоким избеганием неопределенности (Германия и Швейцария) дает высокие баллы по шкале открытости опыту. А большая дистанция власти в сочетании с низким избеганием неопределенности (Китай и Индия) приводит к низким баллам по открытости. В корреляциях табл. 2 открытость значимо не связана с избеганием неопределенности.

Оценки по фактору доброжелательности связаны только с низким избеганием неопределенности (28% объясненной дисперсии). В культурах, терпимых к неопределенности, респонденты оценивают себя как более доброжелательных. Избегание неопределенности связано с пониженными оценками субъективного благополучия и повышенным уровнем ксенофобии [35, р. 160, 180], которые не способствуют доброжелательным установкам.

Наконец, добросовестность оказалась связана с высокими баллами дистанции власти (24% объясненной дисперсии), но, как мы отмечали в предыдущем разделе, еще теснее она связана с уровнем бедности: в 1980 г. ВВП на душу населения объяснял 36% дисперсии и делал переменную дистанции власти избыточной. Респонденты из бедных стран оценивали себя как более добросовестных. Видимо, экономическое процветание позволяет людям вести себя менее добросовестно или более расточительно.

**Интерпретация МакКрэя:
влияние личностных черт на ценностные системы**

Радикально иную интерпретацию этих же взаимосвязей дает 5-факторная модель [63, 66]. Согласно этой теории, личностные черты интерпретируются как *базовые наклонности (tendencies)*, которые берут свое начало в биологии и взаимодействуют с *внешними влияниями*, включая культуру, в формировании навыков, привычек, вкусов и ценностей — *устойчивых адаптивных свойств (characteristic adaptations)* — индивида. [...] Признание вклада биологии в формирование личностных черт не является чем-то необычным для теорий личности. Обычно в этом случае говорят о *темпераменте*, как части личности. Но только пятифакторная теория утверждает, что личностные черты обусловлены *только* биологией. Культура формирует только проявление этих черт, но не уровень их развитости.

Это утверждение опирается на результаты двух основательно разработанных (главным образом в США) направлений внутрикультурных исследований. Первое доказательство дает изучение генетических основ поведения, которое показывает сильное влияние генов на личностные черты и практически полное отсутствие влияния среды [13]. Поскольку показатели наследуемости отражают степень внутрипопуляционной изменчивости, кросспопуляционные генерализации здесь невозможны; высокая наследуемость [черт] внутри культур не исключает мощных кросскультурных влияний среды. Тем не менее, внутрикультурные данные согласуются с гипотезой об исключительно биологической основе [черт личности]. Вторая группа доказательств основана на данных лонгитюдных исследований, которые показывают высокую стабильность личностных черт у взрослых людей и их слабую восприимчивость к влияниям жизненного опыта [64]. Вместе эти данные наводят на мысль, что внешние влияния не обладают реальным воздействием на выраженность личностных черт индивида. Если это так, то культурные влияния в детстве и в период взрослости никак не влияют на выраженность этих черт.

Отсюда можно предположить, что не должно быть никакой связи между особенностями культуры и средним уровнем выраженности

личностных черт. Английтнер и Остендорф [5] представляют некоторые доказательства в поддержку такой позиции. Они сравнили средние баллы по шкалам опросника NEO-PI-R у западных и восточных немцев. Вопреки десятилетиям принудительного коммунизма в ГДР, включая воздействия со стороны законодательства, образования и СМИ, единственным различием между этими двумя выборками оказалась чуть большая открытость опыту у западных немцев.

Как же тогда можно объяснить связь средних значений личностных шкал с культурными осями Хофстеде? Не принимая во внимание возможность артефакта, видимо, остается только два способа интерпретации, согласующихся с 5-факторной моделью: селективная миграция и обратная причинность.

Гипотеза *селективной миграции* предполагает, что индивиды мигрируют, входя в социальную группу или выходя из нее в поисках [социальной] ниши, наиболее приемлемой для набора их личностных черт⁵. Например, в культурах с высокой дистанцией власти лидерские позиции доступны немногим. Большинство людей должны быть подчиненными. Если эта ситуация легче переносится интровертами, чем экстравертами, то последние могут эмигрировать (проверяемая гипотеза). Со временем в разных культурах дистанция власти оказывается связанной с низкими значениями экстраверсии.

Гипотеза *обратной причинности* предполагает, что культура может формироваться агрегированными личностными чертами ее членов [3], а ценностные системы и связанные с ними институты можно рассматривать в качестве [результатов] социальной адаптации к психологическому окружению, представленному распределением [среди населения] личностных черт. Получается, что черты могут выступать одной из причин фиксируемых осями Хофстеде культурных различий, касающихся ценностей, межличностных отношений и эмоционального контроля. Безусловно, личностные черты релевантны этим феноменам на индивидуальном уровне [82, 102]. Эта гипотеза оправдывает поиск регрессионной зависимости культурных осей от личностных черт.

Таблица 3 предполагает, что высокие баллы по шкале нейротизма и низкие баллы по шкале доброжелательности предсказывают высокие баллы избегания неопределенности. Рассмотрим группу людей, по своему темпераменту предрасположенных к этим личностным характеристикам⁶. В целом они предположительно напряжены, раздражительны и

⁵ Эта гипотеза в большей мере применима к современным западным обществам, в которых выбор места проживания предопределяется скорее индивидуальными предпочтениями, чем социальным обычаем или экономической необходимостью.

⁶ Эти аргументы приводятся, исходя из идеального случая, когда всему населению присущ один уровень выраженности личностных черт. В

испытывают трудности в межличностном взаимодействии. Каждое новое решение будет для них потенциальным источником дистрессового конфликта. Такие люди могут прийти к выводу, что сосуществование с другими возможно, только если принять для себя жесткий набор правил и сторониться ситуаций, которые могут потребовать новых решений. Другими словами, они развивают ценности и институты, типичные для стран с избеганием неопределенности. Хофстеде [33] предположил, что страны Латинской Америки обладают высокой дистанцией власти, так как они унаследовали упор на законодательство, характерный для Римской империи. Но вполне возможно, что латиняне уже в Античности были невротичны и не слишком доброжелательны, и именно эти коллективные черты привели римлян к необходимости опираться на закон и порядок.

Как можно интерпретировать тесную связь экстраверсии с индивидуализмом (см. табл. 3)? Как ни странно, интроверты оказываются объединены друг с другом в замкнутые группы. Но нужно помнить, что это группы знакомых людей — членов семьи или коллег по работе. То или иное социальное взаимодействие необходимо для выживания любой группы. А коллективизм облегчает социальный обмен в группах интровертов, которые сами не склонны устанавливать новые социальные контакты. И наоборот, индивидуализм позволяет более свободные социальные взаимодействия, которые естественным образом складываются в группах экстравертов.

Таблица 3

Пошаговая регрессия значений четырех культурных осей для средних значений NEO-PI-R по 33 странам

Зависимые переменные	Независимые переменные	Множественный коэффициент детерминации
Избегание неопределенности	+ Нейротизм	0.31
	– Доброжелательность	0.45
Дистанция власти	– Экстраверсия	0.31
	+ Добросовестность	0.43
Индивидуализм	+ Экстраверсия	0.39
Маскулинность	+ Нейротизм	0.30
	+ Открытость опыту	0.37

Труднее объяснить связь нейротизма с открытостью опыту и маскулинностью. Мужчины во всем мире устойчиво обладают более низкими оценками по шкале нейротизма, чем женщины [19], поэтому позитивная связь на уровне культуры между нейротизмом и маскулинностью, по Хофстеде, представляется случаем несовпадения результатов на разных

действительности во всех обществах выраженность черт распределяется неравномерно.

уровнях анализа. Непонятно, почему либо хронический негативный аффект (нейротизм), либо внутренне присущий интерес к обретению опыта (открытость) приводят людей к принятию соревновательных и деятельных трудовых ценностей.

МакКрэй [59] предлагает следующее возможное объяснение связи дистанции власти с интроверсией и добросовестностью. Если общество преимущественно состоит из интровертов и добросовестных членов, то среди них окажется немного лидеров от природы. Поэтому эти немногие легко займут властные позиции и будут их удерживать, а остальные примут их господство. Поскольку в этом сценарии большинство составляют добросовестные, они будут покорно повиноваться поступающим распоряжениям, а система будет стабильна и продуктивна. Эволюция такой системы может начаться снизу, в семьях или местных сообществах, которые могут стать моделью для более широких социальных организаций.

Гипотеза обратной причинности предполагает существование между этническими популяциями врожденных различий в темпераменте, которые приводят к культурным различиям. Идею врожденных психологических различий между группами многие социальные ученые не принимают, поскольку исторически она использовалась для обоснования расизма. Однако это легитимная научная гипотеза, а ее честное и ответственное исследование способно внести свой вклад в лучшее понимание культурных различий. Этический подход к этой теме требует осторожных заявлений и ясных утверждений о существовании альтернативных интерпретаций (см. интерпретацию Хофстеде). При этом важно учитывать значимость межгрупповых различий, которые могут оказаться небольшими в сравнении с индивидуальными вариациями внутри каждой культуры. И нужно помнить: даже индивидуальное поведение имеет множество причин, помимо личностных черт, что еще более справедливо применительно к культуре [3].

Будущие исследования

В связи с тем, что данные самоотчетов несут в себе угрозу получить артефакты, очевидно, что оценки личностных черт и их связей с культурными осями нуждаются в дополнительных результатах, полученных альтернативными методами. В настоящее время реализуются масштабные исследования оценок личностных черт, даваемых сверстниками, и их результаты могут уточнить взаимосвязь личности и культуры, обсуждаемую в этой статье. Более того, некоторые артефакты, например такие, как обусловленная культурой склонность выражать согласие [86], могут присутствовать и в самоотчетах, и в оценках сверстников. Поэтому оценки и инсайты участвующих наблюдателей (например [48]) особенно полезны, поскольку они видят культуру с другой точки зрения, как наблюдатели, а их ответы на вопросы не подвержены тем смещениям, каким подвержены ответы респондентов.

Каузальный порядок

Допустив, что связи между культурными осями и средним уровнем личностных черт реальны и сильны, исследование может обратиться к каузальному порядку. Можно провести экспериментальные исследования влияния личности на организационную культуру в малых группах или организациях. Если индивидов с высоким уровнем нейротизма и низким уровнем доброжелательности поставить перед необходимостью выполнять совместную работу над проектом, то станут они вырабатывать жесткие правила взаимодействия, сходные с культурой избегания неопределенности? Будет ли совместное проживание интровертов развивать коллективистическую структуру, в которой лояльность соседу по комнате в сочетании с равнодушием к посторонним удовлетворит их потребности в социальном обмене и частной жизни? Однако следует напомнить, что общества существуют на более высоком уровне, нежели организации, и результаты таких исследований могут и не распространяться на нации.

Маловероятно, что кратковременное пребывание в рамках организационной структуры может повлиять на черты, остающиеся стабильными в период взрослости [64], а вот погружение в реальную культуру на годы, особенно в детстве, повлиять может. Результаты исследования аккультурации в этом случае могли бы обеспечить более глубокое понимание этих процессов, поскольку многие группы эмигрантов стремятся вступать в браки между собой в течение нескольких поколений, сохраняя тем самым свой генетический набор. Если средние значения личностных черт являются лишь отражением генетической изменчивости, то жизнь в новой стране окажет слабое влияние на эти черты. А если их формирует культура и большинство иммигрантов следуют стратегии культурной интеграции или ассимиляции [10], то профиль [личностных черт] каждого последующего поколения будет ближе к профилю принимающей страны. Интерпретация Хофстеде предлагает частные гипотезы, например: те, кто эмигрирует в культуру с высокой дистанцией власти, станут более добросовестными и менее открытыми новому опыту по сравнению с соотечественниками, оставшимися дома.

Культурные корреляты личностных черт

Пятифакторная модель личности и исследование культурных осей в IBM содержат самый богатый материал об индивидуальных и культурных различиях, который только доступен сегодня, а корреляции между ними дают полезное представление о том, как личность связана с культурой. Но использование отстаиваемой в этой статье новой модели личности и культуры (см. также [62]) и очевидность того, что черты культуры можно приемлемым образом операционализировать в качестве средних значений индивидуальных черт, позволяет соотносить

личность едва ли не с любой особенностью культуры. Например, можно задать вопросы: обладают ли представители патриархальных и матриархальных культур различными личностными профилями и связаны ли личностные черты со стилями искусства или фольклора?

Более детальный анализ личности и культуры можно проделать путем исследования специфических личностных черт, или фасет, определяющих каждый из пяти факторов. МакКрэй [60], представляя личностные данные фасетного уровня для 36 культур, показал, например, что дистанция власти преимущественно связана с фасетами стремления к достижениям и, возможно, с фасетами добросовестности (а не компетентности, порядка, обязательности и самодисциплины). Поскольку в этих работах анализируются тонкие различия с использованием не слишком надежных сокращенных шкал, выборка культур должна быть максимально широкой. Кросскультурные психологи, собирающие личностные данные на фасетном уровне в разных странах, могут внести свой вклад в это предприятие.

До сих пор не удавалось надежно оценивать личностные черты в бесписьменных обществах, но есть основания полагать, что это можно сделать. Антропологи могли бы проводить исследования по опроснику NEO-PI-R, как они некогда делали с тестом Роршаха, но на более строгом научном основании. Многие культуры, интенсивно изучавшиеся антропологами, исчезли в своих первоначальных формах, но их представители остались в качестве признаваемых этнических групп. Если 5-факторная теория верна в том, что средние значения личностных черт определяются генетическим набором, то оценка личности современных представителей тех или иных групп может пролить свет на особенности личности их предков. [Например] исследования личности сегодняшних жителей Гватемалы могут помочь нам понять психологическую основу классической культуры майя. Оценка современных гаитян и жителей Фиджи может помочь объяснить причины полинезийской миграции. Такие оценки можно сделать в отношении многих, если не большинства культур, описанных в Ареальной картотеке человеческих отношений, что откроет невиданные возможности для исследования личности и культуры.

Взаимодействие личностных черт с культурой

Независимо от своего происхождения, индивидуальные различия личностных черт в рамках 5-факторной модели были обнаружены во всех изученных культурах, и кажется весьма вероятным, что они являются общечеловеческими универсалиями. Следовательно, можно сформулировать ряд вопросов о взаимовлиянии личности и культуры, имея в виду конечный результат.

С точки зрения этнографии можно задать вопросом: каковы типичные проявления личностных черт в данной культуре? Например,

Бенэ-Мартинес и Джон [9] показали, что испаноязычные названия личностных черт, связанные с открытостью новому опыту, акцентируют богемное пренебрежение условностями, что является менее значимым в понимании открытости американцами. В поисках более общих принципов проявление каждого личностного фактора в культурах можно рассмотреть относительно полюсов культурных осей Хофстеде. Например, действительно ли экстраверсия в маскулинных культурах проявляется как настойчивость, а в фемининных — как душевность?

Если агрегированные личностные черты конгруэнтны ценностным системам и обычаям культуры, то может возникнуть вопрос, как адаптируются индивиды, отличающиеся от нормы? Уорд и Чанг [98] исследовали вопросы культурного соответствия и адаптации тех, кто пребывает в стране на время, и обнаружили связь между сходством личностного профиля с профилем принимающей культуры и низким уровнем депрессии (правда, эту зависимость, видимо, не удалось зафиксировать в повторном исследовании [99]). Естественно, сходный анализ можно предпринять в отношении самих представителей культуры. Известно, что экстраверты счастливее интровертов [17], а в индивидуалистических культурах оценки счастья в среднем выше, чем в коллективистских [91]. А будут ли интроверты счастливее в индивидуалистических культурах, чем в коллективистских?

Наконец, личность может взаимодействовать с процессом аккультурации. Берри и Сэм [10] выделили четыре стратегии психологической аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. Выбор стратегии может определяться как индивидуальностью иммигранта, так и особенностями принимающей культуры. Иммигранты, которые в значительной мере открыты новому опыту, скорее, будут стремиться к интеграции, поскольку они принимают ценности и взгляды как первоначальной, так и принимающей культуры. Однако если культура, в которой они оказались, присущ высокий уровень избегания неопределенности и отклонения от предписанных норм воспринимаются в ней как угроза, то иммигранты могут оказаться перед выбором между вынужденной ассимиляцией или маргинализацией. Так человеческая жизнь обретает свою форму в ходе взаимодействия культуры и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aberle D.F., Cohen A.K., et al.* The functional prerequisites of a society // *Ethics*. 1950. Vol. 60. P. 100–111.
2. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N.* The authoritarian personality. New York: Harper & Row, 1950.
3. *Allik J., McCrae R.R.* A Five-Factor Theory perspective // *The Five-Factor Model of personality across cultures* / Ed. by R.R. McCrae, J. Allik. New

- York: Kluwer Academic; Plenum Publishers, 2002. P. 303–322.
4. *Allik J., McCrae R.R.* Toward a geography of personality traits: Patterns of profiles across 36 cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. Vol. 35. No. 1. P. 18–28.
 5. *Angleitner A., Ostendorf F.* The FFM: A comparison of German-speaking countries (Austria, Former East and West Germany, and Switzerland). Paper presented at the 27th International Congress of Psychology, Stockholm, Sweden, 2000, July.
 6. *Arrindell W.A., Steptoe A., Wardle J.* Higher levels of state depression in masculine than in feminine nations: Unpublished manuscript / Department of Clinical Psychology, University of Groningen, Country Heymans Institute. 2002.
 7. *Beck A.T., Beck R.W.* Screening depressed patients in family practice // *Postgraduate Medicine*. 1972. Vol. 52. P. 81–85.
 8. *Benedict R.* Patterns of culture. Boston: Houghton Mifflin, 1959.
 9. *Benet-Martinez V., John O.P.* Measuring Los Cinco Grandes in Spain with indigenous Castilian markers // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 44. P. 141–157.
 10. *Berry J.W., Sam D.* Acculturation and adaptation // *Handbook of cross-cultural psychology* / Ed. by J.W. Berry, M.H. Segall, Ç. Kağitçibaşı. Vol. 3: Social and behavioral applications. Boston: Allyn & Bacon, 1997. P. 291–326.
 11. *Bohannan P.* Social anthropology. London: Holt, Rinehart & Winston, 1971.
 12. *Boring E.G. Wundt, Wilhelm* // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D.L. Sills. New York: Macmillan and Free Press, 1968. Vol. 16. P. 581–586.
 13. *Bouchard T.J., Loehlin J.C.* Genes, evolution, and personality // *Behavior Genetics*. 2001. Vol. 31. P. 243–273.
 14. *Braudel F.* La longue durée // *Annales: Economies, sociétés, civilisations*. 1958. Vol. 13. No. 4. P. 725–753.
 15. *Buss D.M.* Human nature and culture: An evolutionary psychological perspective // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69. P. 955–978.
 16. *Cattell R.B., Graham R.K., Woliver R.E.* A reassessment of the factorial culture dimensions of modern nations // *Journal of Social Psychology*. 1979. Vol. 108. P. 241–258.
 17. *Costa P.T., Jr., McCrae R.R.* Influence of extraversion and neuroticism on subjective well-being: Happy and unhappy people // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 38. P. 668–678.
 18. *Costa P.T., Jr., McCrae R.R.* Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
 19. *Costa P.T., Jr., Terracciano A., McCrae R.R.* Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81. P. 322–331.
 20. *D'Andrade R.* The sad story of anthropology 1950–1999 // *Cross-Cultural Research*. 2000. Vol. 34. P. 219–232.
 21. *De Mooij M.* Consumer behavior and culture: Consequences for global marketing and advertising. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
 22. *Digman J.M.* Personality structure: Emergence of the Five-Factor Model // *Annual Review of Psychology*. 1990. Vol. 41. P. 417–440.

23. *Douglas M.* Natural symbols: Explorations in cosmology. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin, 1973.
24. *Duijker H.C.J., Frijda N.H.* National character and national stereotypes. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960.
25. *Erikson E.H.* Childhood and society. New York: Norton, 1950.
26. *Eysenck H.J.* Superfactors P, E, and N in a comprehensive factor space // *Multivariate Behavioral Research*. 1978. Vol. 13. P. 475–481.
27. *Eysenck H.J.* The effects of psychotherapy: An evaluation // *Journal of Consulting Psychology*. 1952. Vol. 16. P. 319–24.
28. *Georgas J., Berry J.W.* An ecocultural taxonomy for crosscultural psychology // *Cross-Cultural Research*. 1995. Vol. 29. P. 121–157.
29. *Goldberg L.R.* Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons / Ed. by L. Wheeler. Review of personality and social psychology. Beverly Hills, CA: Sage, 1981. Vol. 2. P. 141–165.
30. *Goody J.* The domestication of the savage mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
31. *Gudykunst W.B., Yang S.M., Nishida T.* Cultural differences in self-consciousness and self-monitoring // *Communication Research*. 1987. Vol. 14. P. 7–36.
32. *Hofstede G.* Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
33. *Hofstede G.* Cultures consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
34. *Hofstede G.* Multilevel research of human systems: Flowers, bouquets and gardens // *Human Systems Management*. 1995. Vol. 14. P. 207–217.
35. *Hofstede G., Bond M.H.* The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. Vol. 16. No. 4. P. 4–21.
36. *Hofstede G., Bond M.H., Luk C.L.* Individual perceptions of organizational cultures: A methodological treatise on levels of analysis // *Organization Studies*. 1993. Vol. 14. P. 483–503.
37. *House R.J., Javidan M., Hanges P., Dorfman P.* Understanding cultures and implicit leadership theories across the globe: An introduction to project GLOBE // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37. P. 3–10.
38. *Ibn Khaldun.* Al-Muqaddima (Discours sur l'histoire universelle). Paris: Sindbad, 1968. Tome 1.
39. *Inglehart R.* Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
40. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 19–51.
41. *Inglehart R., Basañez M., Moreno A.* Human values and beliefs: A cross-cultural sourcebook: Political, religious, sexual, and economic norms in 43 societies // *Findings from the 1990–1993 World Values Survey*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
42. *Inkeles A.* National character: A psycho-social perspective. New Brunswick: Transaction, 1997.
43. *Inkeles A., Levinson D.J.* National character: The study of modal personality and sociocultural systems // *The handbook of social psychology* / Ed. by G. Lindzey, E. Aronson. New York: McGraw-Hill, 1969. (1954). Vol. IV. P. 418–506.

44. *Javidan M., House R.J.* Cultural acumen for the global manager: Lessons from project GLOBE // *Organizational Dynamics*. 2001. Vol. 29. P. 289–305.
45. *Kardiner A., Linton R., Du Bois C., West J.* The psychological foundations of society. New York: Columbia University Press, 1945.
46. *Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.* Variations in value orientations. Westport, CT: Greenwood Press, 1961.
47. *Lee Y.-T., McCauley C.R., Draguns J.G.* Personality and person perception across cultures. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999.
48. *Leininger A.* Vietnamese-American personality and acculturation: An exploration of relationships between personality traits and cultural goals / Ed. by R.R. McCrae, J. Allik. *The Five-Factor Model of personality across cultures*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2002. P. 189–218.
49. *LeVine R.A.* Culture and personality studies, 1918–1960: Myth and history // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69. P. 803–818.
50. *Lilienfeld S.O., Wood J.M., Garb H.N.* The scientific status of projective techniques // *Psychological Science in the Public Interest*. 2000. Vol. 1. P. 27–66.
51. *Lynn R.* Cross-cultural differences in neuroticism, extraversion and psychoticism // Ed. by R. Lynn. *Dimensions of personality: Papers in honour of H.J. Eysenck*. Oxford: Pergamon Press, 1981. P. 263–286.
52. *Lynn R.* Personality and national character. Oxford: Pergamon Press, 1971.
53. *Lynn R.* The secret of the miracle economy: Different national attitudes to competitiveness and money. London: The Social Affairs Unit, 1991.
54. *Lynn R., Hampson S.L.* National differences in extraversion and neuroticism // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1975. Vol. 14. P. 223–240.
55. *Lynn R., Martin T.* National differences for 37 nations in extraversion, neuroticism, psychoticism and economic, demographic and other correlates // *Personality and Individual Differences*. 1995. Vol. 19. P. 403–406.
56. *Magat I.N.* Israeli and Japanese immigrants to Canada: Home, belonging, and the territorialization of identity // *Ethos*. 1999. Vol. 27. P. 119–144.
57. *Mayr E.* The growth of biological thought: Diversity, evolution, and inheritance. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1982.
58. *McClelland D.C.* The achieving society. Princeton, NJ: Van Nostrand Reinhold, 1961.
59. *McCrae R.R.* Human nature and culture: A trait perspective // *Journal of Research in Personality*. 2004. Vol. 38. P. 3–14.
60. *McCrae R.R.* NEO-PI-R data from 36 cultures: Further intercultural comparisons / Ed. by R.R. McCrae, J. Allik. *The Five-Factor Model of personality across cultures*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2002. P. 105–125.
61. *McCrae R.R.* Trait psychology and culture: Exploring intercultural comparisons // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69. P. 819–846.
62. *McCrae R.R.* Trait psychology and the revival of personality and culture studies // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 44. P. 10–31.
63. *McCrae R.R., Costa P.T., Jr.* A Five-Factor theory of personality // *Handbook of personality: Theory and research* / Ed. by L.A. Pervin, O.P. John. New York: Guilford, 1999. P. 139–153.
64. *McCrae R.R., Costa P.T., Jr.* Personality in adulthood: A Five-Factor Theory perspective. New York: Guilford, 2003.

65. McCrae R.R., Costa P.T., Jr. Personality trait structure as a human universal // *American Psychologist*. 1997. Vol. 52. P. 509–516.
66. McCrae R.R., Costa P.T., Jr. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the Five-Factor Model // Wiggins J.S. (Ed.) *The Five-Factor Model of personality: Theoretical perspectives*. New York: Guilford, 1996. P. 51–87.
67. McCrae R.R., Costa P.T., Jr. Updating Norman's adequate taxonomy: Intelligence and personality dimensions in natural language and in questionnaires // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol. 49. P. 710–721.
68. McCrae R.R., Costa P.T., Jr., Lima M.P., et al. Age differences in personality across the adult life span: Parallels in five cultures // *Developmental Psychology*. 1999. Vol. 35. P. 466–477.
69. McCrae R.R., Yik M.S.M., Trapnell P.D., Bond M.H., Paulhus D.L. Interpreting personality profiles across cultures: Bilingual, acculturation, and peer rating studies of Chinese undergraduates // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. P. 1041–1055.
70. McDonald K. Evolution, culture, and the Five-Factor Model // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29. P. 119–149.
71. Miller J.G. Cultural psychology: Implications for basic psychological theory // *Psychological Science*. 1999. Vol. 10. P. 85–91.
72. Mouritzen P. E., Svava J.H. *Leadership at the apex: Politicians and administrators in Western local governments*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2002.
73. Murdock G.P. World ethnographic sample // *American Anthropologist*. 1957. Vol. 59. P. 664–687.
74. Oettingen G., Maier H. Where political system meets culture: Effects on efficacy appraisal // Ed. by Y.-T. Lee, C.R. McCauley, J.G. Draguns. *Personality and person perception across cultures*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999. P. 163–190.
75. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). *Literacy, economy and society: Results of the First International Adult Literacy Survey*. Paris: Author, 1995.
76. Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of the theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. P. 3–72.
77. Parsons T., Shils E.A. *Toward a general theory of action*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951.
78. Peabody D. *National characteristics*. New York: Cambridge University Press, 1985.
79. Pettigrew T.F. Personality and social structure: Social psychological contributions / Ed. by R. Hogan, J.A. Johnson, S.R. Briggs. *Handbook of personality psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 1997. P. 417–438.
80. Poortinga Y.H., Vijver F. van de, Hemert D.A. van. Crosscultural equivalence of the Big Five: A tentative interpretation of the evidence / Ed. by R.R. McCrae, J. Allik. *The Five-Factor Model of personality across cultures*. New York: Kluwer Academic, 2002. P. 273–294.
81. Robison W.S. Ecological correlations and the behavior of individuals // *American Sociological Review*. 1950. Vol. 15. P. 351–357.
82. Sagiv L., Roccas S. Traits and values: The Five-Factor Model and the Schwartz Value Theory. Paper presented at the 27th International Congress of Psychology, Stockholm, Sweden. 2000, July.

83. *Scherer K.R., Wallbott H.G.* Evidence for universality and cultural variation of differential emotion response patterning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 66. P. 310–328.
84. *Schwartz S.H.* A theory of cultural values and some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. Vol. 48. P. 23–47.
85. *Schwartz S.H.* Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values / Ed. by U. Kim, H.C. Triandis, Ç. Kağıtçıbaşı, S.C. Choi, G. Yoon. *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.
86. *Smith P.B.* Acquiescent response bias as an aspect of crosscultural communication style // *International Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 5–24.
87. *Smith P.B., Bond M.H.* *Social psychology across cultures: Analysis and perspectives*. New York: Harvester Wheatsheaf, 1993.
88. *Smith P.B., Dugan S., Trompenaars F.* National culture and the values of organizational employees: A dimensional analysis across 43 nations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1996. Vol. 27. P. 231–264.
89. *Smith P.B., Schwartz S.H.* Values / Ed. by J.W. Berry, M.H. Segall, Ç. Kağıtçıbaşı. *Handbook of cross-cultural psychology*. Boston: Allyn & Bacon, 1997. P. 77–118.
90. *Smith P.B., Trompenaars F., Dugan S.* The rotter locus of control scale in 43 countries: A test of cultural relativity // *International Journal of Psychology*. 1995. Vol. 30. P. 377–400.
91. *Steel P., Ones D.S.* Personality and happiness: A national-level analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83. P. 767–781.
92. *Theophrastus.* *The characters*. Boston: Harvard University Press, 2003.
93. *Thorndike E.L.* On the fallacy of imputing the correlations found for groups to the individuals or smaller groups composing them // *American Journal of Psychology*. 1939. Vol. 3. P. 122–124.
94. *Trompenaars F.* *Riding the waves of culture: Understanding cultural diversity in business*. London: The Economist Books, 1993.
95. *Tupes E.C., Christal R.E.* Recurrent personality factors based on trait ratings // *Journal of Personality*. 1992. Vol. 60. P. 225–251. (1961).
96. *Vijver F.J.R. van de, Leung K.* Methods and data analysis of comparative research / Ed. by J.W. Berry, Y.H. Poortinga, J. Pandey. *Handbook of cross-cultural psychology*. Vol. 1: Theory and method. Boston: Allyn & Bacon, 1997. P. 257–300.
97. *Van Nimwegen T.* *Global banking, global values: The in-house reception of the corporate values of ABN Amro*. Delft, the Netherlands: Eburon, 2002.
98. *Ward C., Chang W.C.* Cultural fit: A new perspective on personality and sojourner adjustment // *International Journal of Intercultural Relations*. 1997. Vol. 21. P. 525–533.
99. *Ward C., Leong C.-H., Low M.* Personality and sojourner adjustment: An exploration of the Big Five and the cultural fit proposition // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 35. 2004. P. 135–151.
100. *Watson D., Clark L.A.* On traits and temperament: General and specific factors of emotional experience and their relation to the Five-Factor Model // *Journal of Personality*. 1992. Vol. 60. P. 441–476.